

Пролог

Поговорка, что жизнь – это азартная игра, была убедительна.

Человек хорош на войне, если он управляет людьми, будто делает ставки. Если бы к человеческим жизням не относились как к ставкам в игре, тогда война, где выкашиваются сотни и тысячи жизней, стала бы адом. Барбатос утверждала, что люди не могут пройти через этот живой ад в трезвом состоянии.

– Равнодушный ублюдок стоит выше исполнительного, а над равнодушным ублюдком стоит ублюдок безумный. Поэтому, если хочешь выиграть на войне, тогда тебе сперва нужно стать безумным ублюдком.

В словах Барбатос чувствовался смех.

Смех и жестокость на ее лице были неразличимы. Не знаю, вела ли она себя так, чтобы показать мне свое веселье, или же потому что она хотела передать мне свою брутальность. Хотя лично для меня эта неразличимость и была собственным безумием Барбатос.

Я часто занимался сексом с Барбатос. Несмотря на это чувств друг к другу у нас не было. Я глубоко понимал ее, но не мог достичь самого дна. Барбатос просто была исполнительной стервой, равнодушной стервой, безумной стервой. Для Барбатос же, я был ленивым ублюдком, проницательным ублюдком и ненормальным ублюдком. Наши предпочтения в постели совпадали. Раз встретились безумная стерва и ненормальный ублюдок, какое-то время они должны были отлично ладить.

"Прошу вас, пощадите нас."

"Если не вашего покорного слугу, тогда хотя бы дочь вашего покорного слуги."

"Я буду работать как пес до конца моей жизни, потому прошу вас, простите меня."

Даже кучке пойманных в плен людей, стоявших перед нами, Барбатос улыбалась. Она подготовилась к войне еще с начала осени. Раз люди были ставками на войне, у Барбатос было много причин быть жестокой. Только пленники не знали про надвигающуюся войну. Для них улыбка Барбатос сияла как неспровоцированное насилие.

– Делайте, что хотите, ребята. Почему вы просите меня о жизни и смерти? Если вы собираетесь

жить, то живите, если вы собираетесь умереть, тогда умирайте.

– Мм.

Я кивнул. Язык, на котором говорили люди, и язык, на котором говорила Барбатос, отличались, так что мне приходилось стоять в качестве посредника, чтобы переводить. Единственной особой, кто понимал человеческий язык, будучи также Владыкой Демонов, был я.

– Она сказала покорно умереть.

Все пленники опустили головы вниз к земле одновременно.

"Трудно понять, потому что мы глупы."

"Просим вас, решите, что мы должны делать."

– Эй, глянешь на это?

Барбатос давилась от смеха. Солдаты-демоны вокруг нее тоже смеялись.

– Данталиан. О чем они там лепечут?

– Они сказали, что твои слова чертовски неясные, и хотят, чтобы ты подробно разъяснила им, чтобы они могли лучше понять.

– И-я-а-а, как же много дерьма. Если они живут, это их жизнь, а если подохнут, то это их смерть. Почему меня должно это беспокоить?

Я кивнул головой.

А после, в точности перевел ее слова пленникам.

– Она сказала, ребята, что вы полны дерьма.

"О господин, прости нас!"

"Просим, помилуй нас от твоего гнева!"

Пленники всхлипывали, а демоны еще раз засмеялись. Плач людей затихал и вибрировал, в то время как звук смеха демонов эхом отдавался вверх и рассеивался. Звук всхлипываний и смех был шумный, от чего слова произносились трудно и дрожали. Слова окутывались смехом, съедались им. Поскольку мне самому трудно было управляться со словами, я делал так, как у меня получалось и импровизировал.

Если бы Барбатос спросила:

- Хорошая ли в империи ситуация с провизией?

Я бы перевел это как:

- Она спросила, что вы, ребята, в среднем ели, что ваши морды выглядят такими же грязными, как и задницы.

А на вопрос:

- Я слышала, что у вас по соседству происходит сильная борьба между крон-принцем и 3-ей принцессой империи, о том, кто будет следующим императором. А их милое столкновение как-то влияет на вас, жителей?

Я перевел это как:

- Говорят, что крон-принц, после того, как завоевал две своих младших сестры, а потом убив их, теперь пытается завоевать свою третью младшую сестру. Что вы все думаете об этом?

А кроме этого проблем с общением не было.

Это была не шутка.

Прежде всего Барбатос все равно планировала расстрелять всех пленников. Она просто иногда полусуто издевалась над пленными. Честнее было бы сказать им спешно готовиться к гибели, чем давать ложную надежду.

Если полностью избавиться от смеха и всхлипываний, которые были как глубоко въевшаяся в слова грязь:

—Умрите.

—Мы хотим жить.

—Все равно умрите.

—Мы все равно хотим жить.

Все стало бы ясно.

Так просто.

Время от времени, прикидываясь, что перевозжу, я кидал совершенно случайные вопросы.

- Как вас зовут?

- Вы хотели бы сказать предсмертные слова, которые хотите оставить за собой?

- Готовьтесь к смерти.

И тогда крестьяне, осознав, что приближается гибель, плакали.

Вскоре Барбатос это наскучило, и она пресекла жизни крестьян. Отрубленные головы падали на пол и катились в разных направлениях. У всех голов рты были раскрыты, а с их губ еще тянулись какие-то слова.

"..."

"..."

Я смотрел на широко раскрытые рты. Там было просто темно. Я не мог разглядеть что-то дальше за горлом.

За языком лежит в ожидании дорога в ад... эта мысль мелькнула у меня в голове.

Барбатос сказала, чтобы идти на войну и избежать дороги в ад, нужно относиться к жизням других как к ставкам. Однако, будь то Владыка Демонов, императоры, демоны или люди, каждый проживал свою жизнь, глотая ад за язык. Важно было не то, что ты избегаешь ада или нет... еще одна мысль пришла мне в голову. Единственное, что имело значение, это что, если были люди, которые изрыгали ад из своих ртов, значит, были и люди, которые держали ад в своих животах и терпели его.

- Данталиан. Число убитых нами людей уже достигло примерно тысячи?

- Кто знает. Поскольку это уже 22-я деревня с выжигаемыми полями*, должно быть, около

того.

Барбатос посмотрела в пустоту.

Потом она пробормотала:

– Тогда нам все еще не хватает... Давай еще немного сожжем. Если мы остановимся в нашей резне здесь, тогда вместо этого умрут многие из нас.

* Деревня, практикующая подсечно-огневую систему земледелия, сжигающая остатки урожая на полях после сбора.

<http://tl.rulate.ru/book/378/31928>